

Михаил ЛИДОГОСТЕР

A watercolor painting of irises. The top flower is a mix of light blue and purple, while the bottom one is a mix of purple and pink. The background is a soft, abstract wash of colors including light blue, pink, and green. The text is overlaid on the bottom part of the painting.

ИРИСЫ
НЕГЕВА

Михаил Лидогостер

Ирисы Негева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69313591

Ирисы Негева:

ISBN 978-965-7288-57-4

Аннотация

«Ирисы Негева» – многослойный, экзистенциальный роман, обладающий чертами поколенческой прозы. Это роман о любви и о разочаровании, о дружбе и случайностях, которые на самом деле таковыми не являются. Вопросы здесь важнее ответов, а поиск – результата. Это история о взгляде в толпе. О прошлом, которое прорастает в настоящем. Судьба героев романа шире рамок одной жизни, но для того, чтобы это осознать, потребуется кто-то, кто свяжет все разрозненные сюжетные лоскуты в единое полотно.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	47
Глава 4	64
Глава 5	82
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Михаил Лидогостер

Ирисы Негева

© Михаил Лидогостер, 2023

© Книга Сефер, издание, 2023

© Александра Косарева, рисунок, 2023

Глава 1

Полина поставила на середину стола вазу с нежными фиолетовыми цветами и сказала:

– Это ирисы Негева. Говорят, они помогают человеку услышать свой внутренний голос.

– Внутренний голос? – переспросил я. – Это что-то из области эзотерики.

Полина пожала плечами.

– И что? Есть вполне серьезные учёные, считающие, что эзотерика повлияла на становление психологии. Даже Юнг воспринимал эти вещи, как взаимосвязанные.

Я решил не спорить и посмотрел в окно. День выдался тихим и безветренным, но в воздухе чувствовалось приближение грозы. Откуда-то снизу доносился приглушенный звук радио. Если прислушаться, можно было разобрать сводку новостей.

Полина помешала кофе в турке и по кухне распространился приятный, горьковатый аромат.

– Тебе с молоком?

– Нет, черный.

Она разлила кофе по чашкам и села напротив.

– Что с настроением?

– Все нормально.

За крышами соседних домов виднелось море. Холодное

весеннее солнце поблескивало в невысоких волнах. Белые паруса яхт, похожие на вершушки айсбергов, резко выделялись на фоне грузовых судов.

– Не люблю, когда ты такой. Здесь и не здесь одновременно.

Я перевел взгляд на Полину.

Благодаря загару ее смуглая от природы кожа казалась почти бронзовой. Теплую гамму дополнял нежный персиковый полувер с широким воротом.

Некоторое время мы молча пили кофе.

– Знаешь, сколько сортов дикорастущих ирисов существует? – спросила Полина, поправляя стебли в вазе.

– Сто?! – предположил я.

– Больше двухсот.

– Ого!

– Они живут на земле уже более четырех тысяч лет, – в ее глазах блеснули искорки, будто стая рыбок пронеслась в глубокой воде. – Есть мнение, что крестоносцы завезли их в Европу именно отсюда, с Ближнего Востока.

Цветы на столе источали легкий запах ванили.

Надо же, подумал я. Четыре тысячи лет! Выходит, люди любовались ими еще на заре цивилизации.

* * *

– Привет всем, кто подключился к нашей волне! День се-

годня просто чудесный! Температура в центре страны плюс двадцать два. Тучи, наконец, разошлись, и по прогнозам синоптиков, дождей не будет вплоть до конца недели.

Жизнерадостный голос ведущего заполнил салон моей машины.

– Поздравляю всех, кто болел за «Маккаби» с победой их команды. Матч только что закончился, и должен сказать, мы давно не видели такой уверенной игры. Даже не знаю, в чем здесь секрет.

А вы как думаете?

Оставляйте ваши комментарии в телеграмм-канале. Самые интересные я прочитаю в эфире. Автор комментария, набравшего наибольшее количество лайков, получит специальный приз. Чтобы сохранить интригу, не буду говорить какой. Но, как вы, наверняка, догадались – он связан с футболом.

А пока – пишите или звоните и оставляйте заявки на ваши любимые песни. Впереди у нас целый час, который мы посвятим самой лучшей музыке. Веселой и грустной, танцевальной или медленной – неважно. Главное, чтобы она не оставляла вас равнодушными.

И вот наш первый звонок. Нам дозвонился Юваль из Бейт-Шемеша. Юваль служит в Пограничной полиции и сегодня ему присвоили офицерское звание. С чем мы его и поздравляем! Юваль, ты с нами?”

– Да-да, я здесь. Всем привет!

– Поздравляем тебя с присягой! Тебя и всех твоих сослу-

живцев!

– Спасибо!

– Волнующий день?

– Честно сказать, да. Есть немного.

– Ха-ха, понимаю. Хорошо, Юваль. Слышу по голосу, что настроение у тебя отличное.

– Так и есть.

– Прекрасно. Что будешь слушать? И кому хочешь передать привет?

– Я хочу передать привет моей сестре, Моран.

– Сестре?

– Да.

– Ну и дела. А как насчет девушки, Юваль?

– И ей, конечно. Но это я предпочитаю сделать лично.

– Что ж, как пожелаешь. Итак, расскажи нам немного о Моран. Чем она занимается?

– Она учится в «Школе кино и телевидения». Мечтает стать актрисой.

– Вау! Надо же. Пожелаем ей успеха!

– Да, она очень талантливая.

– Уверен, у нее все получится.

– Надеюсь.

– Что же ты хочешь ей сказать?

– Это касается ее бойфренда. Он, в общем, нормальный парень, но... На мой взгляд, они слишком разные. И поэтому часто ссорятся. По большому счету, это не мое дело, но

Моран очень переживает, когда у них случается очередной разлад. И поэтому я решил поддержать ее.

– И позвонить нам?

– Да.

– Отличное решение!

– Спасибо... И... Я хочу сказать... Многие пары испытывают проблемы в общении.

– Это точно.

– Так вот, недавно мне попалось на глаза интервью одной известной актрисы. И я подумал, раз уж Моран мечтает стать актрисой, ей не помешало бы прислушаться...

– И что же это за актриса?

– Э-э-э... Пока не начал говорить, помнил.

– Ничего, это от волнения.

– Да, наверное. В общем, играет во многих фильмах. Извини, просто не ожидал, что дозвонюсь.

– Все нормально, продолжай.

– Угу, так вот. Эта актриса сказала примерно следующее: проблем в общении не бывает. А бывает общение не с теми.

– О! Это в яблочко.

– И среды проблемной тоже не бывает. А бывает только не твоя.

– Хм... Что ж, Юваль, это, пожалуй, самые неожиданные слова в нашем эфире за последнее время. И какую же песню ты хочешь поставить для Моран?

– Эмиль Бергман. «Old town rain».

- У-у-у. Старая песня.
- Да. Сестре очень нравится эта мелодия.
- Хорошо, Юваль. «Old town gain» в поддержку начинающей актрисы Моран.
- Все верно.
- Что ж, еще раз – с присягой!
- Спасибо.
- Слушаем. Отличная вещь – Эмиль Бергман «Old town gain».

* * *

Я остановил машину возле площади.

Под вечер, благодаря многочисленным кафе и барам, это место становилось чем-то вроде центра отдыха для горожан. Да и днём на площадилюдно: в отделениях нескольких банков, парикмахерских, салонах красоты – всегда есть посетители.

Площадь пульсирует жизнью. В ее воздухе смешаны запахи бензина, уличной еды, слишком навязчивого парфюма. А когда направление ветра меняется, то даже здесь, вдали от побережья, отчетливо слышится запах моря.

Посреди площади недавно установили фонтан. В разгар летней жары вода в нем радует глаз и создает иллюзию прохлады.

Вокруг фонтана, в тени эвкалиптов мэрия установила бе-

тонные шахматные столики. Старики просиживают тут часами. По утрам я им даже завидую – все спешат на работу, а они, деловито разливают по рюмочкам арак, вспоминают прошлое, и неспешно передвигают фигуры.

Заглушив двигатель, я вышел из машины. Возле припаркованных у обочины такси стояли водители – поджидали клиентов и громко о чем-то разговаривали. Один кивнул мне. Остальные лишь мельком взглянули в мою сторону. По обрывкам их разговора я понял, что речь, конечно, о футболе. Похоже, матч, о котором говорили по радио, действительно был захватывающим.

Лавируя между прохожими, я подошел к кафе со средиземноморской кухней. Здесь варили неплохой кофе и готовили вкусную рыбу на углях. В поэтическом названии «Санабрия», вероятно, присутствовала какая-то отсылка к Испании, но я никак не находил время проверить это.

Как я и предполагал, все столики оказались заняты. Только на веранде еще оставалась пара мест.

Что ж, так даже лучше, подумал я, и устроился у самого входа. Отсюда хорошо видна площадь. К тому же, тут можно курить.

Через несколько минут ко мне подошел официант, молодой парень с татуировкой на шее.

Я заказал кофе, бейгл с лососем и греческий салат. Официант не стал ничего записывать. Видимо, запомнил и так.
– Пять минут и будет готово, – уверено пообещал он.

– Отлично. Только кофе, пожалуйста, принеси первым.

– Конечно. Само собой.

Он ушел, а я достал сигареты и уже потянулся за зажигалкой, но в последнюю секунду передумал – услышал рядом детский голос. Обернулся – за соседним столиком сидит молодая женщина с девочкой лет пяти. Малышка ест мороженое и что-то увлеченно рассказывает маме.

Я повертел сигарету в руках, затем сунул обратно в пачку. Что ж, потерплю. Сберегу несколько минут жизни.

Оглядываюсь. От нечего делать рассматриваю посетитель. Среди них совершенно разные люди: молодые, взрослые, пожилые. Израильяне, иностранцы.

Все о чем-разговаривают, едят. В людском многоголосье слышится как минимум четыре наречия. Может, поэтому мне нравится находиться здесь – на этом перекрестке культур. Наблюдать за их вавилонским смешением. Вдыхать аромат пряностей, свежей выпечки и молотого кофе.

Сквозь множество звуков пробивается мелодия гитары. Почему-то она сразу захватывает меня. На первый взгляд, ничего выдающегося. Мотив незамысловатый. Можно даже сказать, банальный. И все же, что-то в нем есть.

Где-то со второй минуты, до меня доходит, что это та же самая «Old town rain», которую я слышал по радио, только в аранжировке.

Надо же, второй раз за день. Похоже, в теории вероятности обнаружен серьезный баг. И к кому в таких случаях об-

ращаться за техподдержкой?

Мелодия пробирается мне под кожу. Кто-то играет вживую. И совсем неподалеку.

Откуда-то приходит осознание, что это исполнение мне знакомо. Только слышал я его не по радио. Где-то еще.

Я повертел головой. В нескольких метрах от веранды, прямо на газоне сидит уличный музыкант.

Выглядит он, мягко сказать, странно. Потертая замшевая куртка родом из семидесятых. Заплетенные в дреды волосы. И надпись «antisocial» на растянутой футболке с v-образным вырезом. На обветренном лице – какое-то отсутствующее выражение. Посмотришь, и сразу ясно – кроме музыки для этого парня ничего вокруг не существует.

Тонкие черты лица можно назвать аристократическими, если бы ни какая-то болезненная заостренность.

Руки в плетеных браслетах легко порхают над гитарой. Мелодия постоянно меняется: то усиливается, то затихает. Полное ощущение, будто парень играет не один, а с аккомпаниатором. Только невидимым.

На мгновенье наши взгляды пересеклись. Сначала я подумал, что ошибся, но потом понял – нет, так и есть – глаза у него разного цвета! Правый будто впитал в себя все оттенки синего, а в левом – теплый терракотовый смешался с зеленым.

Может это какие-то линзы? Да вроде нет, не похоже.

Необычное ощущение. Будто на тебя одновременно смот-

рят два разных человека.

Заметив мое замешательство, музыкант чуть заметно улыбнулся – одними уголками губ, но через секунду снова погрузился в музыку.

Мелодия сменила тональность. Стала более эмоциональной и лирической.

Где же я ее слышал?

Время замедлилось. Будто прошло полчаса. На самом деле – чуть больше минуты.

Я попытался сбросить с себя это внезапное онемение. Встряхнул головой. Выпил воды.

Посетители все так же жевали и звенели столовыми приборами. В сторону музыканта никто не смотрел. Только маленькая девочка, которая сидела по соседству со мной, указала на него ложкой от мороженого и спросила маму:

– А сложно так научиться?

Женщина обернулась, через плечо посмотрела на музыканта и сказала:

– Нужно подолгу заниматься каждый день.

– А может, это просто суперспособность?

– Суперспособность?

– Ну да, как у Леди Баг.

– Хм. Не думаю.

– А давай спросим его?

– Ладно... Только сначала доедим мороженное.

– А с ним поделиться можно?

– Нет.

– Почему?

– Ну, во-первых, потому что он уже взрослый. Захочет – купит себе сам.

– А во-вторых?

– А во-вторых... – женщина постучала пальцами по столу, – Вдруг он вообще не любит мороженое?

– Как это «не любит»?

– Ну, вот так. Не любит и все. Или у него, скажем, аллергия. Как у твоего брата. И ему вообще ничего молочного нельзя. Ни мороженого, ни пиццу.

– Ни даже йогурт?

– Ни даже йогурт.

Девочка замолчала. На ее сосредоточенном лице проступило недовольство.

– И зачем только Бог придумал аллергию?

– Не начинай. У меня голова кругом от этих твоих «зачем».

Подошел официант.

– Кофе готов, – он поставил передо мной чашку. – Остальное – через минуту.

– Спасибо. Можно сразу чек?

– Хорошо.

Он хотел было уйти, но я спросил:

– Послушай, а этот парень часто здесь играет?

– Не знаю. Я новенький.

– А мелодию эту не слышал раньше?

Парень задумался и почесал подбородок.

– Да вроде бы нет. Не слышал.

– Ладно. Спасибо.

Официант кивнул и отошел к соседнему столику.

Я подул на кофе. Сделал осторожный глоток.

И тут раздался чей-то крик.

* * *

Беспечную атмосферу площади накрыло волной страха.

Кто-то вскочил на ноги, кто-то, наоборот, вжался в кресло, закрыв голову руками.

– Нож! У него нож! – кричит пронзительный женский голос.

– Врача, врача!

– Кто-нибудь, вызовите полицию!

Девочка рядом со мной, роняет ложку от мороженого на пол. И до меня, наконец, доходит, что я больше не слышу музыканта. Я вообще ничего не слышу. Будто кто-то на мгновение отключил звук, а потом снова включил. Потом (черт знает, сколько времени это занимает) оцепенение спадает.

Не знаю зачем, я выхожу с веранды и пробираюсь через толпу. Расталкиваю людей. Делаю вид, что не замечаю их неодобрительных взглядов. Протискиваюсь вперед.

На брусчатке сидит молодая женщина. Ее плечи вздраги-

вают от беззвучных рыданий. Она прижимает к груди перемотанную тряпкой руку. Сквозь ткань проступают бордовые пятна.

Парень, лет шестнадцати, объясняется со стоящим рядом мужчиной. Тот не в форме, но очевидно на службе. Голос у паренька дрожит, он обводит толпу взглядом, словно ищет одобрения.

– ...появился из ниоткуда. Я даже не понял, что это нож, пока он не кинулся на женщину. Музыкант вступился, и...

Внутри меня образуется ледяной ком. Чем его растопить? Просто надеюсь, что это ощущение скоро пройдет.

– Как выглядел нападавший?

– Да я разглядеть его толком не успел, – парень нахмурил лоб. – Все так быстро... Белая майка, синие джинсы. Волосы такие, – он раздвинул указательный и большой пальцы, – средней длины.

– Куда он побежал?

– За магазин, – подросток указал в конец улицы.

– Ясно, – мужчина достал из-за пояса пистолет. Ничего здесь не трогайте. Полиция уже в дороге.

* * *

Музыкант лежит на газоне, в нескольких метрах от веранды. Его лицо напоминает театральную маску. Словно вся жизненная сила ушла и остался только маленький, едва тре-

пешущий огонек. Невозможно поверить, что за каких-то пятнадцать минут человек может так измениться.

Глаза полуприкрыты. По блуждающему взгляду ясно, что парень уже плохо понимает, где находится. Дыхание прерывистое, неровное, с нехорошим булькающим звуком. Руки слегка подрагивают:

левая вытянута вдоль тела, правая – на животе. Майка в крови. И трава вокруг тоже густо запачкана кровью.

Рядом несколько человек. Средних лет женщина (судя по отсутствию паники – медсестра или что-то в этом духе) и коренастый мужчина в черной кипе. Вокруг кольцо зевак.

У мужчины в руках телефон, по которому он выкрикивает короткие, рубленые фразы:

– ... несколько ножевых, да... Тяжелое.... Срочное переливание.

– Через сколько будут? – не отрывая взгляда от музыканта, спрашивает женщина.

– Минут через пять-семь.

С веранды принесли плед, из тех, что вечером или в холодное время года предлагают посетителям.

Женщина сворачивает плед валиком и кладет музыканту под голову. Находятся и бинты. Видимо, кто-то успел сбежать в аптеку. Она прикладывает их к ранам. Пытается остановить кровь.

У меня слегка кружится голова. Со мной всегда так. Порезанный палец еще ничего, но если рана глубокая, то к гор-

лу сразу подкатывает тошнота. Я надеялся, что с возрастом это пройдет.

Не прошло.

Заметив меня, музыкант приподнимает руку и указывает куда-то в сторону.

– Что? – не понял я.

– ...гитара, – с трудом разлепив губы, произносит он.

Осматриваюсь вокруг. Людей все больше, а инструмента не видно. Наверняка, гитара где-то рядом, но в этой суматохе никому до нее нет дела.

Через пару минут поисков обнаруживаю гитару. Она лежит неподалёку от веранды. Поднимаю ее с земли и возвращаюсь к музыканту.

Парень застыл в той же позе. Взгляд устремлен в небо. На лице никакой боли и страха. Только отрешенность и спокойствие. Словно ни толпа, ни кровь на траве не имеют к нему отношения.

– Вот, – я приподнял инструмент и положил рядом с ним.

Музыкант улыбнулся.

– Спасибо.

Женщина, перевязывая раненого, кинула на меня быстрый взгляд.

– Что это?

– Его гитара. Что же еще?

– Ясно, – она обернулась к мужчине в кипе, – Долго там еще?

Тот пожал плечами.

– Едут.

Не успела она закончить фразу, как где-то неподалеку прогремели выстрелы: бах-бах-бах!

Толпа стихла.

С соседней крыши сорвалась стая испуганных птиц.

Люди у веранды повернули головы в сторону, откуда исходил звук. Затишье длилось секунд пять, а затем вновь: бах-бах-бах!

По толпе прокатился шепоток.

Зазвучало множество голосов, и площадь потонула в их гуле.

Прошло около минуты, прежде чем вдалеке послышался вой сирен. С каждым мгновением он становился все ближе.

Никогда в жизни я так не радовался этому звуку.

* * *

Скорая и полиция приехали почти одновременно. Медики (двое мужчин с бесстрастными лицам) действовали слаженно. Словно механики на «Формуле-1», которые за несколько секунд меняют резину участнику гонки. Перебрасываясь короткими фразами, они осмотрели музыканта. Задали несколько вопросов женщине, которая останавливала кровь. Затем, как по команде, подняли раненого на носилки и понесли в фургон.

Я хотел передать им гитару, но девушка в полицейской форме остановила меня:

– Пожалуйста, ничего здесь не трогайте.

На вид ей было не больше тридцати, может, даже меньше. Рост, чуть выше среднего. Выющиеся волосы собраны в пучок. Форма сидит как влитая. В миндалевидных глазах – уверенность человека, который не раз сталкивался со смертью.

И как вместо бьюти-блогеров такие девчонки становятся полицейскими?

– Здесь место преступления. Нельзя ничего выносить.

– Это гитара того парня.

– И?

– Он просто хочет взять ее с собой.

– Куда? В больницу?

Хотелось возразить, но она была права. Глупо, конечно.

Подошел еще один полицейский. Невысокого роста мужчина под сорок. Полосок на погонах у него было заметно больше. Телосложение крепкое, никакого пивного живота. Видно, что регулярно занимается спортом. Глубоко посаженные глаза смотрят по-бульдожьи: пристально и изучающе. На загубелом лице многочисленные следы от угрей. Похоже, юность была – не позавидуешь. Сложно, наверное, пригласить девушку на свидание, когда у тебя не кожа, а лунная поверхность.

– Сержант Шираби, – представился он.

Голос у него был под стать внешности. Глуховатый и надтреснутый. Будто шел со дна глубокого колодца.

– Твой инструмент?

– Нет, того парня, – я кивнул в сторону скорой.

Полицейский проследил за моим взглядом.

– Ничего. Мы ему вернем. Ты видел, как это случилось?

– Нет. Я был на веранде. Вышел, когда все уже произошло.

– Ладно. Мы запишем твои данные, – он протянул мне визитку. – Если вспомнишь что-то важное, звони.

Я автоматически сунул визитку в карман.

– А что с нападавшим?

Сержант снова посмотрел мне в глаза. Что-то для себя уяснил, и, пожевав губами, произнес:

– Ликвидирован.

Этот короткий ответ подвел черту под сегодняшним вечером.

Подъехали криминалисты, и место преступления оградили лентой.

Глава 2

Хочу рассказать о том, как я впервые увидел Полину. Мне тогда было двадцать три. Ей на год меньше.

Я недавно приехал в страну и готовился к поступлению в колледж. Мечтал стать оператором. Снимать клипы и кино. Казалось, впереди целая жизнь. От открывающихся возможностей захватывало дух.

На выходные мы с друзьями выбирались в Тель-Авив. Смотрели на огни большого города, валялись на пляже, изучали новые бары. Сказать по правде, все они для нас были новыми. Ведь сами мы жили в студенческой общаге, и из окна видели только бесконечные зеленые холмы и апельсиновые рощи. Это, конечно, было прекрасно, но, когда тебе немного за двадцать, хандра накатывает уже через пару недель.

В тот период у меня началась пора, которую условно можно назвать «временем поиска новых смыслов». Все мои друзья приехали из разных городов бывшего СССР, и у каждого был свой багаж, с которым нам предстояло втиснуться в новую реальность.

– Ну, что, выберемся сегодня куда-то? – спросил однажды Тим.

Знарок ночных клубов, для меня, он был чем-то вроде проводника в Шамбалу. И я следовали за ним с раскрытым

от удивления ртом.

Гриша – питерский интеллигент, взбунтовавшийся против родительской опеки, постоянно увязывался за нами.

– Поехали, – с ходу согласился он.

И мы поехали.

В тот вечер мы выбрали клуб, куда поначалу нас не хотели даже пускать. То ли охранникам не понравились наши физиономии, то ли ещё что. Но после недолгих препирательств, пару двадцаток с Джексонном послужили нам пропускным билетом.

Оказавшись внутри, мы направились напрямиком к бару. Коктейли, которые Тим советовал, оказались с подвохом – пились легко, но на самом деле были довольно крепкими.

Мы быстро набрались, и вскоре нам стало все равно – кто там диджействует у пульта, и какие треки сводит.

– Как впечатление? – перекрикивая музыку, спросил Тим.

– Отличное, – с улыбкой ответил Гриша. Его поплывший взгляд скользил по девушкам, которые находились поблизости. – Просто супер.

Тим помешал лёд в своем бокале с содовой и взглянул на меня.

– Мэттью, а ты что скажешь? Нравится клуб?

– Ничего так. Вроде.

– Давай-ка ещё пару шотов, старичок. А то ты что-то заскучал.

Мы выпили, поболтали о всякой чуши. Тим отправился

на поиски травки, а Гриша подсел к девушке, по виду вдвое старше него. Я мысленно пожелал им удачи и пошел в туалет. Хотелось умыться холодной водой – это иногда помогало не пьянеть слишком быстро.

Когда я немного пришел в себя, то решил направиться к сцене. Там крутилось много симпатичных девчонок. Но, как оказалось – большинство с парнями.

И я вернулся обратно к стойке. Тут работал кондиционер, и музыка звучала чуть тише. Во всяком случае, не приходилось кричать, чтобы бармен мог тебя услышать.

В голове у меня уже слегка шумело. Я заказал пива, забрался на высокий барный стул и принялся изучать полки с выпивкой. Насчитал около сотни названий, но вскоре это занятие мне надоело.

Покрутив головой, я увидел Полину. Что ее зовут именно так, я тогда, конечно, не знал. Она сидела в нескольких метрах от меня и набирала сообщение.

До меня донесся ненавязчивый цитрусовый аромат ее духов.

Длинное сиреневое платье – точно по фигуре. Рядом с недопитым бокалом вина элегантная замшевая сумочка. На ногах открытые босоножки.

Не очень-то подходящий наряд для ночного клуба. Но Полина выглядела в нем естественно. Распущенные каштановые волосы небрежно падают на плечи. Я так и не смог понять, намеренная это небрежность или случайная. Но влю-

бился моментально, не успев толком осознать, что произошло. Просто понял, что хочу каждый день засыпать рядом с этой женщиной.

Я все ждал, что сейчас появится какой-нибудь ухажер, обнимет ее и уведет куда-то. Но время шло, а никто не появлялся.

Через минуту-другую Полина заметила, что я на нее смотрю. По ее лицу скользнул свет софита, и я смог разглядеть ее глаза. Огромные, цвета кофейного ликера, они притягивали взгляд, будто два мощных магнита.

Я отпил пива. И понял, что не чувствую его вкуса.

– Угостить тебя чем-нибудь? – спросил я, подсев ближе.

Не лучший способ познакомиться, но все же я рад, что мой голос не дрогнул. А если и дрогнул, то самую малость.

– Нет. Мне на сегодня хватит, – она постучала пальцем по своему бокалу.

– Часто здесь бываешь? – уже более уверенно спросил я.

– Не так чтобы очень. А ты?

– Сегодня впервые.

– Ну и как тебе?

На фоне ее мягкого голоса все остальные звуки казались белым шумом.

– Да я не очень-то разбираюсь в клубной жизни. Просто вырвались с друзьями в город, чтобы не помереть с тоски в общаге.

– Учишься?

– Пытаюсь. Хочу стать кинооператором. А ты?

– Пока еще не решила.

– Но тебе что-то нравится?

– Да, много вещей... Слишком много. В этом-то и проблема.

– Ничего. Еще определишься. А что тебе советуют друзья? – спросил я после небольшой паузы. – Ну, насчет учебы?

– Знаешь, большинство людей, с которыми мы общаемся, не раскрывают наш потенциал, – она провела пальцем по губам и поставила бокал на стойку. – Когда у нас что-то случается, первое, что мы делаем – это звоним близким. Другам, родителям. Людям, которых любим. Психологу. Не важно. Главное, мы уверены – нам помогут. Но фишка в том, что никто из этих людей не оценивает нас объективно. И поэтому, все их советы – это лишь предположение, как бы они поступили на твоём месте. Но они не мы. И никогда нами не будут.

– Звучит банально.

– Так и есть. Банальней некуда. Но все об этом почему-то забывают.

– Наверное, это такой защитный механизм.

Я достал сигареты и попытался вспомнить, когда в последний раз влюблялся. Перебрал в памяти девушек, с которыми встречался (благо их было не так уж много). Нелепые обещания, которые не стоило давать. Теперь все это казалось далёким и каким-то тусклым. Будто все краски выгорели на

солнце.

– Как тебя зовут? – спросил я после короткой паузы.

– Полина.

– А тебя?

– Матвей.

Мне нравилось, как звучит ее имя. И я все силился понять – нравится мне оно само по себе или потому, что оно принадлежит ей.

В этот момент из темноты вынырнул Тим. Не говоря ни слова, он стянул у меня сигарету.

– У всех кончилось курево, – Тим щелкнул зажигалкой, затем выпустил в потолок облако дыма, и взглянул на Полину.

– Ого, малыш! – он похлопал меня по спине. – Да ты времени даром не теряешь!

Танцпол ревел. Часы над стойкой показывали половину третьего ночи.

– Полина, это Тим. Тим, это Полина.

– Что ты нашла в этом зануде? – Тим произнес это так, будто разговаривал с давней знакомой.

– Собутыльника, – ответила Полина.

– Вот черт! И почему ему вечно достаются все сливки?

– Слушай, Тим... – вмешался я.

– Не парься, малыш. Я просто прикалываюсь.

– Давно общаетесь? – спросила Полина, когда он ушел.

– Как приехали.

Она была единственной девушкой, которая не удивилась, что у нас может быть общего.

* * *

Ночью пошел дождь. Небо заволокло рваными тучами. Тонны воды изливались на землю, словно где-то наверху сорвало кран.

Я съехал с шоссе и заглушил двигатель. Тяжелые капли барабанили по крыше и извилистыми струйками стекали по лобовому стеклу. Несколько минут я молча вслушивался в этот звук.

В окно врвался запах мокрой земли. Я достал сигареты, закурил и стал наблюдать за тем, как медленно запотевают стекла. По трассе проносились машины. Дрожащие огоньки фар таяли во тьме.

Вместо того, чтобы поехать домой я продолжил работать, как будто ничего не случилось. И теперь меня мучил вопрос – почему? Ведь дома меня ждет самый близкий человек. И все же я предпочел сидеть один посреди дождя в машине с заглушенным двигателем.

Радио молчало.

Во мне ожил целый ворох полузабытых воспоминаний. Я чувствовал себя отрезанным от всего мира. Картинки из прошлого сплетались в одну черно-белую короткометражку, которую какой-то невидимый оператор неспешно прокручи-

вал в моей голове. А события сегодняшнего вечера понемногу теряли яркость. В какой-то момент мне начало казаться, что они произошли не со мной, а с кем-то другим. И я просто зритель в пустом кинотеатре, который, спасаясь от бессонницы, пришел на ночной сеанс.

Стоило бы позвонить Полине. Хотя бы ради того, что услышать ее голос. Но я не позвонил. Вместо этого я взял телефон и начал механически прокручивать список контактов. Удалять ненужные номера, случайные записи. От кого-то я слышал, что монотонная работа неплохо помогает справиться со стрессом. Похоже, что-то в этом есть.

Так я добрался до номера Тима. Странное ощущение снова видеть на экране его номер.

Мы не общались, наверное, уже лет пять. А то и больше. Черт возьми, как же быстро они пролетели! И вроде ведь ничего особенного не произошло. Мы не поругались, не затаили взаимных обид.

Всего лишь повзрослели, а жизнь тем временем взяла свое. Достаточно было просто не мешать ей.

Что если позвонить Тиму прямо сейчас? Я взглянул на часы. Половина первого ночи. Раньше для нас это было детское время.

Но это раньше.

Допустим, он не поменял телефон. И даже ответит. Что я ему скажу? Извини, что не звонил пять лет? А тут вдруг вспомнил про тебя и решил поболтать?! Звучит по-идиот-

ски.

Тем не менее, я все же набрал его номер.

Глубоко затянулся, выдохнул в окно дым и принялся вслушиваться в долгие гудки. Насчитал ровно десять, но трубку так никто и не взял. Я уже собрался сбросить вызов, но тут включился автоответчик.

– Привет, засранцы! Если вы знаете этот номер, значит вы точно не из банка и не из полиции. Выкладывайте, что хотели, и может быть, я вам перезвоню. Если оно того, конечно, стоит.

Я улыбнулся. Это был все тот же Тим. Пусть и в записи.

– Привет, старик. Это Матвей. Даже не знаю, что сказать. Извини, что пропадал так долго. Просто хотел узнать, все ли у тебя в порядке? Тебя нигде нет. Ни в одной социальной сети. И я понятия не имею, где ты и как. В общем, перезвони, как будет время. Это мой номер. У тебя, наверняка, определился.

По трассе промчался грузовик, который обдал мою машину водой. Я затушил окурок и прикрыл окно.

В том, что я решился позвонить Тиму, можно было отметить два положительных момента. Во-первых, я перестал зацикливаться на том, что не сделал этого раньше, а во-вторых, мне расхотелось напиваться в одиночестве.

Проснувшись следующим утром, я первым делом взглянул на телефон. Надеялся увидеть ответ Тима. Но никаких новых сообщений или пропущенных звонков не обнаружил.

Я встал с кровати и прошел в гостиную.

Полина сидела на диване и смотрела новости.

Диктор говорил о встрече премьер-министра с представителями совета поселений Иудеи и Самарии. Обсуждались вопросы безопасности и распространения суверенитета на территории, заселенные израильянами.

– Доброе утро, – сказал я.

– Привет, – Полина оторвалась от экрана и посмотрела на меня. – Выспался?

– Да. А ты?

– Ну-у, так.

Через полуприкрытые жалюзи пробивался яркий солнечный свет. В его лучах плавали маленькие пылинки.

– Слышал о теракте на площади? Только что передавали.

– Нет, – соврал я.

– Какой-то придурок накинулся на людей с ножом.

– Есть пострадавшие?

– Нет, только раненые.

Я обрадовался. Значит, музыкант жив!

Полина взяла с дивана пульт и немного убавила гром-

кость.

– Даже не верится, что это происходит прямо у нас под носом, – она подобрала ноги и набросила на них плед. – И неизвестно, когда это произойдет в следующий раз.

Несколько секунд я молча наблюдал за экраном, на котором мелькали кадры с площади, и надеялся, что оператор не выхватил из толпы мое лицо.

Камера задержалась на следователе в тот момент, когда он давал интервью СМИ. Затем переметнулась на машины скорой. На этом сюжет закончился. Диктор перешел к следующей новости – строительству современной больницы в Верхней Галилее.

– Ладно, я в душ.

– Яичницу пожарить?

– Нет, спасибо. Сам что-нибудь приготовлю.

Я зашел в ванную, закрыл за собой дверь.

С каких пор я начал врать Полине? Понятно, что не стоило заставлять ее волноваться, но ведь со мной ничего не случилось. Так почему бы не рассказать все как есть?

* * *

Мальчишка на пассажирском сиденье заерзал и начал капризничать. Я посмотрел в зеркало заднего вида и увидел, как смешно он хмурит веснушчатый лоб.

– Когда мы уже приедем?

Худощавый мужчина в поношенном сюртуке покачал головой и сказал:

– Потерпи, сынок. Ничего не поделаешь. Пробки.

– Но почему именно сейчас? Когда мы едем в зоопарк? Ни часом раньше или позже!? Ведь так мы никуда не успеем.

– Успеем. Если небесам будет угодно.

До светофора оставалось еще несколько километров, но в голосе отца звучало столько уверенности, что я невольно прикусил губу, чтобы не возразить. В полосе для такси укладывали новый асфальт, и нам пришлось ехать в общем потоке, который едва двигался.

Мальчишка подпер кулаком щеку.

– Но почему бы Богу не захотеть, чтобы пробок не было вообще?

– Видимо потому, что тебе лучше приехать попозже.

– Но ведь все остальные уже там!

– Остальные – это не ты.

Мальчишка поправил сползающую на затылок кепку.

– Лучше бы я поехал с мамой...

По лицу мужчины пробежала тень.

– Ладно, – сказал мальчишка. – Извини. Просто почему со мной вечно что-то случается?

– А почему с хорошими людьми случаются плохие вещи?

Мальчишка задумался.

– Не знаю.

– И никто не знает.

– Почему «никто не знает»?

– Потому что, если бы мы знали причину – нас бы все устраивало. А Он, видимо, ждет от нас другого.

– Чего?

– Чтобы мы не переставали задавать вопросы.

* * *

Они вышли у зоопарка. Я смотрел им вслед, и пытался вспомнить, какие истории рассказывал мой отец.

Их было не так уж и много. Он ушел, когда мне исполнилось семь. С тех пор я виделся с ним всего несколько раз. Один из них – когда мама продавала квартиру. Тогда ему пришлось приехать, подписать какие-то документы. Мы встретились возле нашего подъезда, и он спросил:

– Уезжаешь?

– Угу.

– Что-то получше Израиля придумать не мог?

– Получше? – переспросил я.

Он как-то странно посмотрел на меня и больше ничего не сказал. На этом наша короткая встреча закончилась.

* * *

– На этот раз все кончено, – девушка держала телефон у

уха и смотрела в окно. На ее запястье поблескивала золотая цепочка. – Говорю тебе. Это был последний раз.

Она подсела возле зоопарка. Сказала, что ей нужно как можно быстрее попасть на автобусную станцию.

На вид ей было лет двадцать пять. Она выглядела немного подавленной и отстраненной. Ни на что вокруг не обращала внимания. Говорила сбивчиво и невпопад.

Взглянув на нее, я поймал себя на мысли, что она кого-то мне напоминает. Только кого – хоть убей, не помню.

На светофоре я снова посмотрел на нее в зеркало заднего вида и вдруг осознал, что мне сложно отвести взгляд.

Длинные волосы медово-пшеничного цвета. Светлая кожа с теплым подтоном. И выразительные глаза цвета зеленой дымки.

Мы точно где-то виделись. Только где? Когда? Не помню.

Черт возьми, что у меня с руками? Почему ладони такие мокрые? И по спине будто пробежал холодок?

– Мы ничего не обсуждали, – сказала она в трубку. – Я просто оставила ключи и ушла.

Зажегся зеленый. Сзади начали сигналить.

Я тронулся с места и попытался собраться.

Нужно просто делать свою работу. Крутить баранку. Ни о чем не думать. У меня есть дом. Полина...

Но ни на какую автобусную станцию ехать мне не хотелось. Хотелось остановиться и сказать, что...

Да, в общем-то, и неважно, что именно. Главное – гово-

ритель. С ней.

– Вещи заберу на следующей неделе. Пока поживу у подруги, – сообщила кому-то девушка. – Хотя бы не буду опаздывать на репетиции.

Во мне гудел целый рой невысказанных слов. В другой ситуации, они, наверное, могли бы что-то значить. Но в данный момент я довез ее до места, так ничего и не сказав.

Девушка вышла из машины.

Я помог ей достать ей чемодан.

– Спасибо, – мягко произнесла она.

Я увидел свое отражение в ее глазах.

– Не за что.

Пока она искала в портмоне наличные, я мельком увидел имя на ее кредитке. Несколько секунд хватило, чтобы я прочитал его. А прочитав, едва не выронил чемодан из рук.

* * *

Это ведь она! Девушка из радиопередачи!
«Old town rain».

* * *

Строка поиска:

Моран

Результат выдачи:

Женское имя. Состоит из букв Мем, Вав, Рейш, Нун.

1. «Моран» – означает «калина».

Какая еще калина в Израиле? Хотя, может где-нибудь, да и растет.

2. Второе значение – «учительница». От «морэ» – учить.

Ну и чему-то это должно меня научить? Чему-нибудь же, наверное, должно?!

* * *

– Матвей?

Голос в трубке был мне незнаком.

Я приготовился сбросить вызов, ожидая услышать предложение о новом тарифе связи или современном пылесосе, но не успел.

– Это следователь Алан Горелик. Тебе удобно говорить?

– Следователь?!

– Управление полиции по Северному округу.

– Что-то случилось?

– Не знаю. Но хочу разобраться.

Я промолчал. Начало разговора мне уже не нравилось.

– Откуда у тебя мой номер?

– Мне дал его сержант Шираби.

Ах вот оно что. Эта фамилию я помнил. Полицейский с площади.

Мой собеседник дал мне несколько секунд на осмысление этой информации. Затем спросил:

– Мы могли бы встретиться?

– Зачем?

– Дело, как ты уже, наверное, понял, касается инцидента возле кафе «Санабрия». Знаешь, где мы находимся?

– Да.

– Отлично.

– Но я вроде все рассказал сержанту.

– Много времени это не займет. Обещаю.

– А вариант «отказаться» у меня есть?

– Рассматривай это скорее, как просьбу. Оказание помощи следствию.

– Ладно, буду у вас через час, – я взглянул на часы. – Устроит?

– Прекрасно. Как подъедешь, скажи, что ко мне.

Бред какой-то, подумал я и отключился.

* * *

В моем представлении кабинет следователя всегда ассоциировался с гнетущей атмосферой каких-нибудь карательных организаций, где суровый, как закон военного времени, начальник, одним своим взглядом выбивает из человека чистосердечное признание. На деле же, кабинет, в котором я оказался, скорее напоминал офис проектировщика или спе-

циалиста городских служб. В половину стены – подробная карта города и окрестностей. По углам железные стеллажи с выдвигаемыми ящиками. На каждом – аккуратное окошко с подписанной этикеткой. Несколько современных мониторов. Массивный, широкий стол. Залитое солнечным светом окно, в которое врывается уличный шум.

Увидев меня, следователь привстал с кресла.

– Спасибо, что нашел время.

– Не за что.

Мы пожали руки, и он снова сел.

– Итак, я здесь.

Алан кивнул. Затем положил ладони на стол и с улыбкой уставился на меня.

– Надеюсь, это поможет нам разобраться в том, что произошло.

– Я бы с удовольствием посидел бы тут час-другой. Но у меня сдельная оплата. Сколько заработал, столько получил. Пока мы тут болтаем, время идет.

– Насчет этого не волнуйся. Все издержки мы оплатим. Сегодняшнюю смену, ты считай, покрыл.

Удивительная щедрость, подумал я. Что же их заставило так раскошелиться?

– Кофе? – предложил следователь.

– Можно.

Я ожидал, что он нажмет кнопку громкой связи, попросит кого-нибудь принести кофе, а сам примется плести паутину

якобы непринужденной беседы. Но вместо этого следователь вышел сам, оставив меня в кабинете совершенного одного.

Тут ведь наверняка есть какие-то секретные документы, подумал я. Как он может доверять незнакомому человеку? Или ему интересно, как я поведу себя, оставшись один? А, может, ему просто все равно, и он отправился за кофе безо всякой задней мысли?

Через пару секунд Алан вернулся.

– Забыл спросить, сколько сахара? – как ни в чем ни бывало, спросил он.

Сколько сахара? Серьезно?!

– Спасибо. Я без.

Следователь снова ушел. А я несколько секунд отрешенно пялился в карту города. Маленькие кварталы, большие. Какие-то квадратики, нарисованные от руки кружочки.

На столе зазвонил телефон. Его громкий звонок отозвался внутри меня тревожным предчувствием. Телефон звонил и звонил. Прежде чем он смолк, я насчитал шестнадцать длинных трелей.

– Не знаю, что ты предпочитаешь, – сказал следователь с порога, – поэтому взял двойной эспresso.

– Спасибо.

Алан придвинул мне бумажный стаканчик, потом подошел к окну. Он выглядел немного усталым, но производил впечатление уверенного в себе человека. Если бы я не знал, где мы находимся, то подумал, что он хочет продать мне

страховку на машину.

– Кофе, конечно, так себе, – он отпил из своего стаканчика, – но за неимением лучшего...

Я промолчал.

– В «Санабрии», наверняка, готовят лучше?

Ну, похоже, началось.

– Не пойму к чему этот вопрос.

Следователь постучал пальцами по подоконнику, и, глядя куда-то мимо меня, спросил:

– Кстати, знаешь, откуда это название – «Санабрия»?

Его манера игнорировать мои вопросы начала меня раздражать. Но я все же ответил:

– Что-то испанское?

– Точно. Область на западе Испании.

– Спасибо за урок географии.

– Видимо, владельцы кафе родом оттуда.

Я попробовал кофе. Он оказался вполне сносным.

– Давай напрямую. О чем ты хочешь узнать? О моих связях с Аль-Каидой?! Или кто там устроил эту резню возле кафе?

– Пока никто не взял на себя ответственность. Видимо, это был одиночка, – Алан перестал стучать по подоконнику. Взглянул на свои пальцы, будто хотел удостовериться, что ногти аккуратно подстрижены, а затем добавил: – Но меня интересует не террорист.

– А кто же?

– Тот парень, музыкант.

– Хм...

– Что можешь сказать о нем?

– Парень, как парень. Видно, талантливый. Но такие редко пробиваются. Так и остаются уличными музыкантами.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что талантливые люди полны сомнений, а идиоты полны уверенности.

– Интересное мнение.

– Это Буковский. Немного искажённая цитата. Но, по сути, верная.

– Ясно. Есть ещё что-то, что ты хотел бы добавить?

– Да больше, наверное, ничего. Видимо, не робкого десятка этот гитарист, раз пошел против ножа.

Следователь перевел взгляд на меня.

– Иными словами, ты с ним не знаком и никогда раньше не встречался?

– Нет, конечно.

Произнеся эту фразу, я почувствовал легкую неуверенность.

Так ли уж это очевидно? Откуда у меня чувство, будто я где-то видел этого парня? И почему даже мелодия, которую он играл, показалось мне знакомой?

Вслух я, разумеется, ничего не сказал. Но мой собеседник, кажется, уловил перемену в моем лице.

– И ты готов подтвердить это документально?

– Если кто-нибудь потрудится объяснить, что происходит. Минуту мы молча пили кофе.

В какой-то момент мне стало наплевать, что будет дальше. Если смену мне действительно оплатят, то пусть следовательно молчит, сколько влезет. Хоть до самого вечера.

Я зевнул и потер глаза.

Алан допил кофе, смял стаканчик и швырнул его в урну.

– В совпадения веришь? – спросил он, вновь усевшись за кресло.

Вопрос слегка сбил меня с толку.

– Не очень.

– Вот и я тоже. И раз уж мы с тобой оба в них не верим, придется объяснить одну простую вещь.

– Какую?

– Видишь ли, специфика нашей работы такова, что мы обязаны установить и внести в протокол личности всех участников происшествия. И не только участников, но и свидетелей. Так уж все устроено. Мы обязаны расписать все по минутам. Восстановить, так сказать, цепь событий. И как раз с этим у нас возникла проблема.

Я выдержал его испытующий взгляд, не отводя глаз.

– Проблема, прямо скажем, несколько необычная, – Алан почесал мочку уха. – С момента происшествия прошло уже несколько дней... Но на этого музыканта мы не нашли ничего. У него нет ни удостоверения личности, ни водительских прав, ни медицинской страховки, ни банковской карточки.

Можно было бы предположить, что он нелегал, но до того, как впасть в кому, парень говорил на прекрасном иврите.

– В кому?

– Да. Слишком большая потеря крови. Задеты жизненно важные органы.

Я глубоко вздохнул.

– И никто не пришел его проведать, не поинтересовался как он?

Следователь мотнул головой.

– Ни одна живая душа. Ни друзья, ни родственники. Никто, кто мог бы пролить свет на то, откуда этот парень взялся и кто он такой.

– Кстати, хотел спросить...

– Валяй.

– У него линзы или действительно разные глаза?

– Разные. Гетерохромия.

– Надо же...

– Довольное редкое явление. Встречается менее чем у одного процента населения Земли. Причем у мужчин еще реже, чем у женщин. Но даже наличие столь яркой приметы нам не помогло. Мы разослали его приметы организаторам фестивалей, продюсерам и музыкальным критикам, – Алан вновь посмотрел на свои ногти. – Никто его не вспомнил.

Я вздохнул. И молча ожидал продолжения.

– Знаешь, я вел много дел... – продолжил следователь. – Приходилось сталкиваться со всяким. Наркоманы, психи...

Но этот парень не похож ни на тех, ни на других.

– Я тоже так думаю.

– Почему?

– Он защитил людей от террориста. Для этого нужна решительность. И какая-то внутренняя цельность.

Алан кивнул.

– Согласен. И это подводит нас очень важному и неразрешенному пока вопросу.

– Какому же?

Следователь накрыл одной ладонью другую и, не отводя взгляда от моего лица, сказал:

– Почему перед тем, как отключиться, из всех родственников и близких, этот парень назвал нам твое имя?

Глава 3

Выйдя из участка, я открыл на телефоне поисковик.

Гетерохромия: различный цвет радужной оболочки правого и левого глаза или разная окраска различных участков радужной оболочки одного глаза. Является результатом относительного избытка или недостатка меланина.

Меланина?

Я перешел по ссылке, выяснил, что это такое, и вернулся к статье.

В 90 % случаев эта патология вызвана наследственностью, однако встречаются случаи, при которых формирование гетерохромии вызвано различными заболеваниями и механическими повреждениями.

Прокрутив страницу вниз, я достал из пачки сигарету, зажал ее губами, но прикурить забыл.

Название «гетерохромия» происходит – от слияния греческих слов ἕτερος – «иной», «различный», χρῶμα – цвет.

Существуют разнообразные мифы, связанные с появлением такого дефекта. В древности люди сторонились, или напротив, преклонялись перед обладателями гетерохромии, считая их посланниками высших сил.

Прекрасно, подумал я. Просто замечательно.

Дом встретил меня настороженной тишиной. В квартире было так тихо, что я слышал, как тикают стрелки часов. Обычно Полина всегда приходила первой. Но сегодня я ее опередил.

Закрыв за собой дверь, я прошел на кухню. Выпил залпом стакан воды. Налил второй.

На столе стоял все тот же букет ирисов. Хрупкие и нежные цветы. Их насыщенный фиолетовый цвет притягивал взгляд. Я с удивлением обнаружил, что если смотреть на них достаточно долго, то мысли перестают скакать с темы на тему. Даже дыхание становится ровнее.

С того дня, когда Полина купила их, ни один цветок не завял. Только листья чуть тронула желтизна.

Я выплеснул воду и налил в тот же стакан виски. Добавил пару кубиков льда. Рановато для меня, но за руль я сегодня уже не сяду. Чек от управления полиции – в бумажнике. Так что насчет денег можно не беспокоиться.

Я сделал небольшой глоток. Солодовый, слегка дымный привкус обволок горло.

Итак...

Что сказал следователь? И еще важнее: что он не сказал? Об этом я могу только догадываться.

Главный вопрос: зачем музыканту понадобилось указы-

вать мое имя? И откуда оно вообще ему известно?

Уравнение с несколькими неизвестными. Только это не школа. И списать тут не у кого.

Все это похоже на чей-то дурацкий розыгрыш. Вот только чей? И кому он понадобился?

В стакане, потрескивая, плавился лед.

Интересно, что бы об этой истории сказала Полина?

Наверняка, я что-то упускаю.

Почему я не рассказал ей, что был в кафе, когда произошел теракт? Не хотел, чтобы она волновалась? Или дело в чем-то другом? Как бы там ни было, теперь это уравнение придется решать самому.

* * *

В то лето, когда мы познакомились с Полиной, к Земле приблизилась комета. Она подлетела так близко, что ее стало видно невооруженным глазом. Особенно в предутренние часы, когда на горизонте появлялись первые проблески расцвета. С виду – яркая звезда. А за ней – длинный шлейф синего цвета.

Величественно и холодно. Так она выглядела.

Настоящая находка для любителей снимать ночное небо.

Шумиха вокруг кометы продолжалась несколько месяцев.

Заголовки газет пестрили предсказаниями. Уфологи строили теории о корабле пришельцев. Люди верили, что

жизнь вот-вот изменится. Непонятно как, но что-то обязательно произойдет. А шарлатаны всех мастей выставляли себя «экспертами по космосу» и несли такое, что уже не казалось смешным даже сторонникам идей о «скором контакте».

Тем не менее, этих людей все равно звали на телевидение.

Чего не сделаешь ради рейтинга?

На волне истерии по комете, члены какой-то секты на юге США совершили массовое самоубийство. Заперлись в сеном сарае, забили досками щели и включили газ. Вместе с детьми и домашними питомцами.

Новость мгновенно облетела мировые информагентства. И люди стали паниковать еще больше.

Когда я думаю о тех сектантах, меня пробирает дрожь. Странно, что на это тему еще не сняли ни одного фильма.

У секты тут же появились подражатели. И все это переросло в некое модное течение, которое постепенно приобретало все больше и больше приверженцев.

В записке, которую оставил лидер секты говорилось:

Мы отправляемся в наш путь к звездам. Скоро они упадут на землю. И тогда все вокруг станет космической пылью. Вернется в свое исходное состояние. К тому, с чего все начиналось. В том числе и вы, читающие эти строки. Но у вас еще есть шанс уйти осознанно. В кругу близких и друзей.

Смерти не избежать. Но какой ей быть, вы вправе решать самостоятельно.

Я часто думаю – и почему какой-нибудь пьяный фермер

не пристрелил этого парня до того, как он возомнил себя проводником высших сил? Наверное, это один из тех вопросов, на которые никогда не найдешь ответа.

В центре Израиля в тот год стояла необычайная жара. Мозги плавилась от зноя. Меня к тому времени уже выгнали с общаги (цена за пьяную езду на мотоцикле и случайно помятую машину ректора).

Я снимал полуподвальную конуру на окраине Тель-Авива. В городе, как назло, расцвел какой-то кустарник, от которого у меня началась чудовищная аллергия. Слово «чудовищная» даже чересчур мягкое. Оно не передает всей той гаммы страданий, которую я испытывал.

У меня присутствовали все симптомы болезни, описанные в медицинской литературе. И, наверное, даже те, которые еще только предстоит открыть.

А еще эта жара, безумные новости про комету, и вдобавок – барахлящий кондиционер.

Врач выписал мне антигистаминные таблетки, но помогали они слабо. Вернее сказать, не помогали вовсе.

Утро было настоящей пыткой. И в обед я чувствовал себя не лучше. Не понимаю, как я вообще умудрялся ходить на работу. Наверное, только из страха, что нечем будет платить за квартиру.

К вечеру мне становилось немного легче. И во время этой короткой передышки, я мечтал уехать куда-нибудь на север Гренландии, где не растет ничего, кроме мха. Даже всерьез

изучал сайты турагентств – узнавал цены на билеты.

Не знаю, чем бы все это закончилось, если бы ни Полина. Через каких-то знакомых она раздобыла мне таблетки, которые неожиданно сработали. И почти моментально сняли все симптомы. Это было настоящим чудом.

В благодарность, я купил ей золотой кулон в виде кошки.

– Почему в виде кошки? – спросила она.

– Потому что ты как кошка.

– Что, гуляю сама по себе?

– Нет. Помогаешь, когда врачи не справляются.

Мы послушали несколько альбомов Боба Дилана, затем сходили в кино и посмотрели ужастик, в котором монстры перевоплотились в преподавателей и захватили провинциальный колледж. Сюжет – так себе, но в целом фильм нам понравился.

Я, наконец, начал чувствовать вкус еды и был этому ужасно рад. Помню, попкорн в тот вечер показался мне невероятно вкусным. Хотя, конечно, ничего особенного в нем не было.

По дороге из кинотеатра мы купили вина, и зашли на заброшенный стадион. Его давно должны были снести, но что-то пошло не так. И пока чиновники решали, как поступить, бывшая спортивная арена превратилась в городской арт-объект.

Уличные художники покрыли стены яркими граффити. Но никто не знал названий этих работ. И это добавляло ца-

рившей здесь атмосфере еще больше притягательности.

Часть сидений успели демонтировать. Часть так и осталась на месте. Будто рабочие внезапно вспомнили о чем-то более важном, и побросали все, как есть.

Некогда зеленое футбольное поле заросло жухлыми сорняками. Там и здесь виднелись черные проплешины от ковров.

– Ну и местечко, – сказала Полина. – Одна бы я сюда ни за что не сунулась.

– Тут не опаснее, чем в городе.

– И часто ты сюда ходишь?

– Бывает.

– Чтобы побыть одному?

– Одному можно побыть и дома.

– Тогда зачем?

Я открыл вино и разлил его по бумажным стаканчикам.

– Здесь понимаешь, как быстро все теряет смысл.

– Ясно, – Полина взяла стаканчик, который я ей протянул. – Стало быть, это твой сад для медитации?

– Вроде того. Кто-то ведь старался, строил все это. Проектировал. Вкладывал силы, время, душу. Люди проводили здесь время. Ходили на футбольные матчи поболеть за любимую команду. А теперь все это никому не нужно.

– Поэтому ты и приходишь сюда? Пообщаться с призраками прошлого?

– Можно и так сказать.

Мы чокнулись. Я снова отметил, что чувствую вкус вина. Бархатистый и мягкий, с легкими нотками граната.

– Интересно, что будут обсуждать люди, когда эта комета пролетит мимо Земли? – спросила Полина, разглядывая яркое пятно на ночном небосводе.

– То же самое, что обсуждали до этого, – ответил я. – Ничего, не изменится.

– Так уж и ничего?

– Ну, только мы немного постареем.

Стадион молчал. Его пустота действовала на меня успокаивающее.

Жаль, нет такой должности – присматривать за заброшенными строениями, пока их не снесут.

– За несколько месяцев сияние кометы усилилось в четыре тысячи раз, – сказал я.

Это была фраза из какой-то передачи. Видимо, эти цифры так меня поразили, что надолго запали в память.

– В четыре тысячи?

– Ага, в новостях сказали. А под утро она становится еще ярче.

Полина поправила кофту.

– А она впервые подлетает к Земле так близко? Или люди видели ее и раньше?

– Не знаю. Может и видели.

– Вот бы узнать, о чем они тогда думали?

– Наверное, приносили жертвы богам.

– Или загадывали желания.

– А может, и то и другое.

– Тогда я тоже загадаю желание, – сказала Полина. – Только не проси меня рассказывать.

– Не буду.

– Лучше загадай сам.

– Хорошо.

– Но мне не говори.

– Ладно.

Мы помолчали.

Я сделал несколько глотков вина и сказал:

– Говорят, эта комета отделилась от другой, еще более крупной в первые дни существования Солнечной системы.

– И с тех пор так и летает?

– Да. По какой-то своей орбите.

– И когда-нибудь снова подлетит к Земле?

– Возможно. Через сотни или тысячи лет.

– Жаль нас с тобой тогда уже не будет.

– Думаю, не стоит особенно переживать об этом.

– Почему?

Я допил содержимое своего стаканчика и потянулся за сигаретами.

– Слышала о таком явлении – квантовая запутанность?

– Нет.

– Если вкратце, то речь о том, что взаимное влияние частиц друг на друга не зависит от расстояния между ними.

Полина вопросительно посмотрела на меня, явно ожидая продолжения.

– Ну, скажем, если две системы взаимодействуют друг с другом в течение определенного периода времени, а затем отделяются, то они уже существуют как некая уникальная система.

– А если по-простому?

Я прикурил, прищурился от попавшего в глаз дыма.

– Если уж совсем по-простому, то две частицы, которые в какой-то момент были связаны, связаны навсегда.

– Навсегда?

– Да. То, что происходит с одной частицей, продолжает влиять на другую, даже на расстоянии сотен световых лет.

– С ума сойти.

Я стряхнул пепел и долил себе еще вина.

– Связь между этими частицами мгновенная. Даже если они находятся на противоположных концах Вселенной.

Полина задумалась, взяла у меня из рук сигарету и затянулась.

– И сколько же времени они должны взаимодействовать, чтобы такая связь образовалась?

– Хороший вопрос. Об этом авторы теории не рассказывают.

* * *

Я прождал Полину несколько часов. Ее мобильный молчал. Механический голос автоответчика сообщил, что абонент находится вне зоны действия сети.

Обычно Полина заканчивала работу к обеду. И после этого сразу возвращалась домой.

Под вечер пришла смс-ка:

«Извини. Не слышала, как ты звонил. Что-то срочное?».

За окном тихо сгущались сумерки. Вдоль дороги зажглись фонари.

«Просто хотел узнать, как дела?».

«День как день. Только немного устала».

Виски в бутылке осталось на самом дне. Я допил то, что осталось, и отправил Полине смайлик. Грустную рожицу, изображающую сочувствие.

* * *

Незаметно подступила усталость. Дыхание замедлилось, веки потяжелели, и меня затащило в сон.

Сказать по правде, это был самый странный сон за последнее время. Если оценивать по десятибалльной шкале – десять из десяти.

Я запомнил его в мельчайших деталях. Хотя обычно забывал, что мне снилось, как только просыпался.

Место, в котором я оказался, больше всего походило на зону вылета заброшенного аэропорта. Интерьер в стиле советской научной фантастики – много стекла и хрома, но на всем печать запустения. Словно люди по какой-то причине спешно покинули не только этот аэропорт, но и сам город, в котором он находится.

Впрочем, может, никакого города и не было. И этот аэропорт специально построили в голой степи. Для каких-то военных целей. А после распада СССР забыли. Как и о многих других объектах, которые когда-то считались стратегическими.

Я огляделся по сторонам. Сквозь сводчатый купол лился тусклый свет. Что за время года – непонятно. То ли поздняя осень, то ли ранняя весна.

В воздухе стоял запах пыли и машинного масла. От этого у меня зачесалось в носу. Я чихнул и подумал, а бывает ли так? Чтобы человек чихал во сне?

Шел дождь. Ровный шум бьющих по крыше капель напомнил мне детство. Когда во время грозы я с друзьями прятался на школьном дворе под навесом из шифера.

В тишине аэропорта мои шаги и скрип ботинок казались чем-то кошунственным. Будто я без спроса ввалился в чей-то дом и перебудил всех хозяев.

Я подошел к окнам, чтобы посмотреть, что происходит

снаружи.

На внешней стороне подоконника лежал слой жухлых, по-луистлевших листьев.

За окном открывался унылый пейзаж. Низкое серое небо, набухшие грозовые тучи. Плотная стена дождя скрывает горизонт. Судя по пузырям на лужах, ливень зарядил надолго.

Посреди заросшего бурьяном поля пролегает взлетная полоса. Асфальт на ней потрескался. А кое-где, сквозь трещины пробилась ростки молодых деревьев.

Вокруг – ни души. Почему-то я не сразу обратил на это внимание. И только сейчас ощутил такое пронзительное чувство безысходности, как, наверное, бывает, у ребенка, потерявшегося в незнакомом городе.

На подъездах к взлетной полосе стояли несколько тронутых ржавчиной самолетов. Ни логотипа, ни названия компании. Из опознавательных знаков – только набор цифр по бортам корпуса. Но эти цифры ни о чем мне не говорили.

– Опоздал на рейс?

От неожиданности я вздрогнул. Но, обернувшись, никого не увидел. Через пару секунд до меня дошло, что этот вопрос прозвучал только в моей голове.

Я снова перевел взгляд на взлетную полосу.

Посреди нее стоял музыкант с площади. Он находился метрах в тридцати от меня, и был одет так же, как и в тот вечер, когда произошло нападение у кафе. Все та же футболка «antisocial» и потёртые джинсы.

– Похоже на то, – ответил я вслух. – Опоздал.

Музыкант кивнул.

Слетевшие с его губ слова превратились в языки пламени. Зеленого и синего цвета. В бликах этих огней я услышал вопрос:

– И что думаешь делать?

– Нужно как-то выбираться отсюда.

Он развел руками.

– Как видишь, все рейсы отменены.

– Но должен же быть какой-то выход?

– Из мест, наподобие этого выбраться не так-то просто.

От этого ответа у меня по коже пробежали мурашки.

– Но теоретически ведь это возможно?

– Зависит от тебя.

– И что же делать?

– Думаю, ты и сам знаешь, – он помолчал. – Знаешь ведь?

Я пожал плечами. Ничего я не знал.

Как же это работает?

Как языки пламени, которые он выдыхает, превращаются в слова у меня в голове?

– Послушай, полиция устроила мне настоящий допрос, – сказал я. – Зачем ты назвал им мое имя? Откуда ты вообще его знаешь?

– У самого нет идей?

Я слегка опешил.

Что за дурацкий вопрос? Какие тут могут идеи?

Музыкант улыбнулся.

И в ту же секунду я почувствовал, что потерял опору под ногами. Пол зашатался и превратился в зыбкую топь, в которую я медленно погружался все глубже и глубже. Я попытался вырваться, но лишь сильнее увяз.

Когда я снова взглянул на взлетную полосу, она уже была пуста.

* * *

– Все в порядке? – Полина стояла в дверном проеме и с беспокойством смотрела на меня.

Видимо, я проспал довольно долго. Она уже успела переодеться в домашнее и заняться ужином. С кухни доносился ароматный запах тушеных овощей.

Я приподнялся на локте и потер глаза.

– Странный сон. Не помню, когда последний раз снилась такая чушь.

– Расскажешь? – она обернулась. – Только пойдем на кухню, а то у меня рагу на огне.

За окном уже совсем стемнело. По ощущениям, было где-то в районе девяти.

Полина слушала современный электронный джаз. Фооновая музыка. У меня она всегда ассоциировалась с дождливым вечером где-нибудь в Токио. Почему в Токио – не знаю. Я там никогда не был.

На плите стояла большая тяжелая кастрюля. Из-под крышки поднимался ароматный пар.

– Что отмечаем? – Полина кивком указала на пустую бутылку виски, которую я непредусмотрительно оставил на столе.

Я посмотрел на календарь на стене.

– Двадцать пятое октября.

– Какая-то особая дата?

– Да. День, который никогда не повторится.

– Ясно, – она покачала головой и подошла к плите.

– Где ты была?

– Ездила по делам. А ты что так рано?

– Незапланированный выходной.

Она помешала рагу.

– Голодный?

– Наверное.

– Еще пару минут и будет готово.

Я выбросил пустую бутылку в ведро и сел за стол.

– Расскажешь, что за дела? – спросил я.

Полина повернулась ко мне.

– Ездила к врачу.

– К врачу?

– Да.

– Зачем?

Она замолчала. Это молчание длилось довольно долго. И по нему я понял, что это был за врач.

– Снова?

– Да.

– Но он же сказал, что все в порядке?!

– Если так, то почему у нас до сих пор ничего не получается?

– Не знаю, – я пожал плечами. – Может время еще не пришло.

Полина выключила плиту.

– Сколько лет мы вместе?

– Слушай, не начинай.

– Почему нет?

– Потому что мы оба понимаем, чем это закончится. С нами все нормально. И ты это знаешь.

– А ты не думал, что после того случая, Бог просто не хочет, чтобы у нас были дети?

– Бог? С каких это пор ты вдруг вспомнила о нем?

– С тех, что ни один врач не может мне объяснить, что не так, – Полина прикусила губу. – А что, если то был наш единственный шанс?

Глава 4

– После вчерашнего ливня снова солнечно! Метеорологи уверяют, что комфортная погода с температурой плюс двадцать продержится до конца недели. Что ж, поживем – увидим. Сегодня у нас в гостях ведущий популярного блога «колонка психотерапевта» врач высшей категории Дан Златопольский. Дан, спасибо, что пришел.

– Спасибо за приглашение.

– Итак, наша тема сегодня – как справиться с неврозами?

И почему жители Тель-Авива плохо спят.

– Точно.

– Актуальные вопросы.

– К сожалению.

– Мы сейчас говорим именно про Тель-Авив или про любые крупные города тоже?

– В целом, любой мегаполис – агрессивная среда для психики человека. И в этом мы схожи со всем остальным миром.

– Но есть и специфика?

– Конечно.

– Что ж, тебе слово.

– Практически каждый житель большого города так или иначе испытывает стресс. И проблема со сном здесь лишь одно из звеньев цепи, приводящей к неврозу. Напряженный ритм работы, шум, грязный воздух, электрический свет,

круглосуточные ремонтные работы – все это ведет к нарушению сна. Если не найти способ блокировать эти раздражители, то с каждым днем наше внутреннее состояние будет ухудшаться.

– Разве это не расплата за прогресс?

– В каком-то смысле.

– Но рецепт существует?

– Скорее какие-то общие показания.

– Надеюсь, ты их озвучишь?

– Попытаюсь. Если ты дашь мне сказать.

– Ха-ха-ха! Извини.

– Со стороны агрессивное влияние городской среды может быть не заметно. Просто однажды мы обнаруживаем, что наше психическое состояние мягко скажем, далеко от нормы. Как, впрочем, и физическое. Кардиология, диабет, лишний вес – это только малая толика заболеваний, связанных с нарушением сна.

– И что нам, всем уехать в лес?

– Зачем так кардинально? Необходимо научиться контролировать уровень повседневного напряжения. Если, мы, конечно, хотим, оставаться здоровыми.

– Хотим. Поэтому и позвали тебя. Дай нам несколько простых советов.

– В первую очередь необходимо понять, что длительное игнорирование внутренних конфликтов может проходить бессимптомно лишь до поры до времени. К несчастью,

подавленные эмоции не умирают. Даже если их заставили замолчать, они продолжают влиять на человека изнутри.

– Звучит не слишком ободряюще.

– Это одна из ключевых идей психоанализа.

– Так как же выбраться из тех состояний, о которых мы говорим?

– Шанс преодолеть их появляется только тогда, когда мы уясним, что все наши внутренние патологии в большинстве своем являются лишь отражением нерешенных внешних конфликтов. Если, конечно, речь не о наследственности. Без осознания этого факта никакое движение вперед невозможно.

* * *

Я выключил радио.

Хотелось поболтать с кем-то из друзей. Не «с кем-то», конечно. С Тимом.

С того момента, как я оставил ему сообщение, прошло два дня. Может, просто не обратил внимания? Увидел незнакомый номер и стер, не прослушивая? Сколько раз я поступал так же?

Ведь в наше время люди меняют номера телефонов чаще, чем звонят старым друзьям.

Конечно, нужно было поинтересоваться, что у него происходит чуть раньше. Значительно раньше. Но я не поинте-

ресовался.

И поэтому вместо того, чтобы выпивать где-то с Тимом, я слушаю колонку психотерапевта.

Так уж все устроено. Мы почему-то уверены, что люди, которые нам дороги всегда будут на расстоянии вытянутой руки. И только когда эта рука натывается на пустоту, до нас начинает доходить, как мы ошибались.

* * *

Весь день я колесил по центру. С утра подвез пожилую женщину в аэропорт, и после так и остался в Тель-Авиве.

Заказы падали один за другим. И довольно выгодные. Возвращаться на север пустым не было смысла.

Пару раз я выезжал к набережной. Вначале просто мельком увидел ее в окно. Во второй раз специально остановился, чтобы полюбоваться. Взял в ближайшей забегаловке кофе, облокотился на парапет, и стал разглядывать переливы волн.

Мимо проходили люди. О чем-то разговаривали, улыбались, строили планы, обсуждали новости. В них пульсировала жизнь. А я казался себе нищим эмигрантом из Восточной Европы, который прибыл в страну сразу после войны. И все, что ему удалось захватить с собой из опаленного огнем мира – это старый чемодан, в котором не осталось ничего, кроме надежд. Надежд, и воспоминаний о тех, кто никуда уже уехать не сможет.

Не знаю, почему я вдруг подумал об этом. Наверное, глядя на современные дома и ухоженную прибрежную зону, стоило думать о чем-то другом. Например, о коктейле в изящном стакане, легком бризе. И широком балконе гостиничного номера. С панорамным видом на залив.

Но ничего такого в моей голове не возникало.

Вместо этого в ней возникали мысли о Моран. Девушке из радиопередачи. Моей случайной попутчице. На самом деле, мне хотелось поскорее забыть все это. Потому что я совершенно не представлял, что делать с этим чувством. Я надеялся, что со временем оно угаснет само собой.

Ведь если в огонь не подкладывать дров, то рано или поздно он тухнет.

Я выкурил две сигареты. Допил кофе и затушил в стаканчике окурки.

Интересно, где Моран сейчас? Чем занимается? Разошлась ли в итоге со своим парнем?

Найти ее страничку в соцсетях оказалось несложно.

Большое число подписчиков. Студийные фото. Интервью популярным изданиям. Все посвящено кино и призвано вызывать ощущение успеха и востребованности. Наверняка, ведется профессиональным пиарщиком. Вопрос – где за всем этим она?

Впрочем, ко мне это не относится.

Просто случайная встреча. Пусть такой и остается.

Многокилометровые тель-авивские пробки вытянули из меня все силы. Чуть ли ни на каждом светофоре приходилось подолгу стоять в ожидании зеленого сигнала. Навигатор показывал, что на объездных маршрутах та же картина.

Под конец смены я перепутал название улицы и высадил клиента не на том перекрестке. Пришлось извиниться и вернуть деньги, но ситуацию это не исправило. Человек остался недоволен, и совершенно справедливо.

После этой поездки я понял – необходимо побыть в тишине. Просто посидеть одному, без телефонов, рабочей рации и интернета.

Я заглушил двигатель, опустил окно и откинулся на спинку кресла. Прикрыл глаза и попытался выровнять дыхание.

Не сформировавшаяся до конца мысль мешала мне очистить сознание от накопившегося за день мусора. Скорее даже не мысль, а догадка. Луч фонарика, скользящий по темной стене.

Скорее бы уже приехать домой. Встать под душ. Выпить бокал вина и лечь спать. Перевернуть страницу.

Я открыл глаза, завел двигатель, и медленно покатился вниз по улице.

Надо же – перепутать название!

Конечно, во многих городах, и даже в районах одного и

того же города названия зачастую совпадают, но это меня не оправдывает. Нужно быть внимательнее.

И тут до меня дошло.

Название! Вот в чем дело! Как только я его услышал, что-то во мне переключилось. И ни на чем другом я уже не мог сфокусироваться. Поэтому и ошибся.

Ведь это – та самая улица, что вела к заброшенному стадиону. Тому, где мы с Полиной рассуждали о квантовой запутанности.

Интересно, снесли ли его, наконец?!

* * *

На пустынном перекрестке горела вывеска круглосуточного кафе. Оно все еще работало. За те годы, что я здесь не был, в нем ничего не поменялось. По крайней мере внешне.

Немного постояв у входной двери, я зашёл внутрь.

Все те же массивные стулья, круглые столики из темного дерева. Запах фалафеля и картофельных чипсов. Ряд бутылок с дорогой выпивкой на барной полке. Редкие завсегда-таи, лениво потягивающие пиво.

Я сделал заказ. Перебросился с молодым продавцом парой пустых фраз. Спустя пару минут он вручил мне пакет с питой. Предварительно хорошенько разогрел ее на гриле, смазал изнутри хумусом, положил жаренное мясо, чипсы и овощные салаты. Все это с какой-то невообразимой скоро-

стью и сноровкой, которая нарабатывается только со временем.

От свертка шел умопомрачительный запах. И у меня тут же засосало под ложечкой. Я вспомнил, что почти целый день ничего не ел.

– Напитки в холодильнике, – парень кивнул головой в сторону двери.

– Я возьму кофе.

– Будешь есть здесь?

Я оглядел столики. Странное ощущение. Будто вернулся в родной город, но тебя там никто не помнит.

– Нет, с собой.

В дальнем углу стойки сидел пожилой полицейский. Его квадратная челюсть медленно ходила из стороны в сторону. Мешки под глазами и складки на затылке делали его похожим на усталого мастифа.

Перед полицейским стояла внушительного вида тарелка. Уже полупустая. Он взглянул в мою сторону, пару секунд задержался на мне взглядом, и вернулся к своему ужину. Как видно, ни настороженности, ни любопытства, я у него не вызвал.

Вот бы лет десять назад все полицейские смотрели на меня так же.

Продавец подошел к кофе-машине.

– Какой кофе?

– Ваш фирменный.

Парень поднял на меня темные глаза. В них промелькнуло удивление, смешанное с любопытством. Ему было чуть больше двадцати. И, конечно, он не мог помнить ни меня, ни старого меню.

Я махнул рукой.

– Забудь. Сделай американо. Двойной.

Он нажал на какие-то рычажки, и машина ожила, перемолола зерна, зашипела паром.

– Бывал здесь раньше?

– Когда-то.

– Я работаю тут пару месяцев. Знаю только местных.

– Ясно.

Пока он колдовал над кофе, я проверил телефон. Никаких новых сообщений. Пропущенных вызовов тоже нет. Ни от Тима, ни от Полины. Только прогноз погоды.

Через минуту кофе был готов. Судя по запаху – совсем не то, что готовили раньше.

Все меняется. И миру совершенно наплевать нравится нам это или нет.

– Слушай... – начал я, когда продавец вернулся к стойке. – Тут когда-то был стадион.

Парень пробил заказ, и, не отрывая глаз от кассы, произнес:

– Он и сейчас на месте.

Разросшиеся гигантские фикусы обступили парковую аллею со всех сторон. Иногда в вышине раздавался чуть слышимый писк и мой взгляд улавливал мелькание перепончатых крыльев в просветах ветвей.

Я медленно брел по дорожке. Ночная прохлада приятно освежала. От кустов вербены шел едва ощутимый аромат. Гул города сюда почти не доносился. Настоящий оазис тишины посреди каменных джунглей.

Парк выглядел очень ухоженным. Трава аккуратно подстрижена. Вдоль аллеи – яркая подсветка. Появились объявления, призывающие не мусорить. И указатели, где что находится: детская площадка, искусственный пруд, киоски с едой, туалеты.

Честно говоря, когда парень в кафе сказал мне, что стадион все еще не снесли, я не поверил. Такое перспективное место и до сих пор пустует? Здесь ведь можно построить все, что угодно! Жилой комплекс, торговый центр, современный кинотеатр. Расширить парк. Но почему-то ничего из этого не случилось.

Наверное, помешали какие-то имущественные споры. Или суды, тянущиеся из года в год.

Я свернул с аллеи и пошел по газону. Днем тут устраивали пикники. А в такое время мне встретился только одино-

кий старик, который, выгуливал располневшего лабрадора. Заметив меня, пес помахал хвостом. Фыркнул и тряхнул головой. Видимо, учуял еду в моем свертке.

Через несколько минут я добрался до калитки в заборе. За ней начиналась территория стадиона. Со временем она превратилась в настоящий пустырь, который порос травой и диким, похожим на колючку, кустарником.

Кофе в стаканчике уже слегка остыл. Я сделал пару глотков и подумал, что, если бы не садиться снова за руль, то можно было купить вина. Но, увы. Приходилось довольствоваться кофе. Я толкнул калитку и ступил на протоптанную меж сорняков тропинку.

По обе стороны от меня раздавался стрекот ночных насекомых. От этого создавалось ощущение, будто находишься где-то за городом. В каком-нибудь отдаленном от дорог поселке. Но в поселке, каким бы маленьким он ни был, всегда кто-то живет. А тут – кроме меня не было ни души.

Когда я подошел к стадиону, то увидел, что уличные художники не теряли времени даром. Граффити преобразили скучное бетонное пространство в настоящую галерею под открытым небом.

Дикий плющ пустил по стенам свои цепкие побеги и забрался уже почти на самый верх. Внутри здания пахло застоявшейся водой и плесенью. Пол усыпан мусором. Окурки, битое стекло, старые рекламные объявления, использованные баллончики от краски.

Я шагнул внутрь и направился к лестнице. Поднялся на несколько пролетов, вышел на трибуну. Здесь было значительно светлее. И дышалось легче. Сиденья и стадион заливал рассеянный свет башен-небоскребов, которые высились за парком. Помимо редких сирен скорой, ничто не нарушало царившую тут тишину.

В одном из интервью Дэвид Линч как-то сказал, что люди всегда стараются найти место, которое разговаривает с ними.

Похоже, этот стадион для меня – такое место. Нельзя сказать, что оно вписывается в привычные шаблоны. Кто-то наверняка скажет, что проводить тут время – как минимум странно. Но почему-то только здесь я чувствовал удивительный покой. Словно время вокруг меня остановилось.

Я обвел стадион взглядом. Отыскал место, где в прошлый раз мы сидели с Полиной. На спинке одного из сидений Полина написала наши имена и дату: 7-го июня 2013.

Надпись немного выцвела, но сохранилась. Ни дожди, ни зной ей не повредили.

Надо же. Я был так уверен, что стадион снесли, а он, оказывается, все это время оставался на месте. Тихо порастал плюшем, ветшал и впитывал тишину.

Пита и кофе остыли. Но я по-прежнему был голоден и съел все без остатка. После чего смял бумажный пакет и сунул его в карман. Бросать его на стадионе мне не хотелось.

В пачке еще оставалось несколько сигарет. Я закурил, откинулся на сиденье. Выдохнул дым, и стал наблюдать, за тем,

как сизые клубы плывут над трибунами.

* * *

Осенью того же года произошло еще кое-что важное.

Я хорошо помню начало того дня. Мы с Полиной сидели друг напротив друга, разделенные круглым столиком с матовой металлической поверхностью. Перед нами стояли бумажные стаканчики с кофе. Вкус у кофе был так себе. Впрочем, чего ждать от напитков из автомата?

Вестибюль клиники сиял чистотой. За окнами зеленела лужайка, на которой местные мальчишки играли в футбол. По небу плыли легкие облака. След от самолета поделил квадрат окна на два равных треугольника.

Соседние столики пустовали. Похоже, никто не хотел подолгу засиживаться за ними.

Полина посмотрела на часы. Затем резко убрала руку.

– Пора? – спросил я.

– Нет. Ещё нет.

Я сделал маленький глоток кофе и добрых полминуты разглядывал ободок из кофеинок на внутренней стороне стаканчика.

– Не переживай. Все будет хорошо.

Не меняя позы, Полина посмотрела мне в глаза.

– Знаешь, когда я только поступила в институт, то часто пыталась представить, как сложится будущее. Столько всего

навыдумывала. А потом перестала что-либо загадывать. Поняла, что жизнь всегда на шаг впереди.

– Слушай. То, что случилось – это отлично. Немного неожиданно, но мы справимся.

В воздухе снова повисло молчание. Тишина волнами разливалась между нами. Прошло несколько минут, прежде чем Полина заговорила снова.

– Мы встречаемся меньше года. А мне кажется, я знаю тебя всю жизнь. – Она задумалась о чем-то, подвинула себе стаканчик с кофе, но так и не отпила из него. – Как думаешь, кто будет? Девочка или мальчик?

– Какая разница?

– Я бы хотела мальчика.

– Почему?

– Наверное, потому что росла с матерью.

– Надоело женское общество?

– Хм, не думала об этом. Может быть, – она подперла голову рукой, потеревила браслет на запястье. – Я бы отдала сына в музыкальную школу. Чтобы с детства привить любовь к музыке. Только не решила, какой инструмент лучше выбрать. Ты как думаешь?

– Не знаю, – я не очень представлял, какой ответ Полина ожидает от меня услышать. – Думаю, ребенок должен выбрать сам.

К нам подошла медсестра. Молодая девушка с классической ашкеназской внешностью – голубоглазая, с длинными

вьющимися волосами темно-горчичного цвета. Судя по акценту – американка.

– Врач ожидает вас, – сказала она.

Мы проследовали за ней в кабинет.

То, что случилось потом, разделено в моей памяти на отдельные фрагменты.

Я помню напряженное лицо доктора. То, как по его звонку Полину срочно направили на УЗИ и заставили сдать кучу анализов. Несколько часов ожидания. Десяток выкуренных сигарет. Сухость в горле. Нарастающее напряжение от осознания, что никакого контроля над ситуацией у меня нет.

Помню, как я стоял перед автоматом с напитками и не понимал, что нужно сделать, чтобы купить бутылку воды. И наконец – набор каких-то слов, который просто не мог быть адресован мне. Я смотрел на доктора и пытался понять, кому он это говорит? И зачем?

– Замершая беременность? Что это значит?

– Это значит, что плод прекратил свое развитие.

– Как это прекратил? Почему?

– Пока не известно. Может быть, какие-то генетические отклонения или инфекция. Много причин.

– Но ведь все будет нормально? Это ведь лечится?

– К сожалению, слишком поздно.

Врач говорил что-то еще, но я его не слышал.

Понял только, что это был мальчик. Наш с Полиной сын. Возможно, он бы и впрямь стал неплохим музыкантом. А

может, и нет.

Вместо этого он решил вообще не появляться на свет. И никто из врачей так точно и не сказал почему.

* * *

Поток времени не всегда бывает однородным. Для меня это совершенно очевидно. Иногда он замирает, меняет направление и течет в обратную сторону.

В такие моменты события, слова, встречи – все, что когда-то происходило, обретает дополнительную значимость. Смысл, который раньше оставался скрыт.

Я вливаюсь в этот поток, и понимаю, что прошлое – это не хаотичный набор случайностей, а фрагменты полотна такого масштаба, что охватить его взглядом не получится, даже если потратишь на это всю жизнь.

* * *

Прошло около часа.

Пора возвращаться.

Я убрал за собой мусор, окинул стадион взглядом, и направился к выходу.

Теперь постараюсь бывать здесь почаще.

В глубине души я давно уже попрощался с этим местом.

И ошибся. Возможно, все эти годы оно ждало меня.

Говорят, пребывание в одиночестве помогает очистить разум. В ежедневной гонке мы перестаем слышать самих себя. Поэтому иногда каждому необходимо выключить весь тот шумовой фон, который сопровождает наши жизни. Об этом, кажется, говорил и тот мозгоправ с радио.

Интересно, что произойдет, если каждый сможет отключить этот шум, по собственному желанию? Люди наверняка сэкономят кучу денег, которые уходят на психотерапевтов.

Я подошел к лестнице. Спустился на один пролет вниз. И тут с моим подсознанием случилась странная штука. Что-то заставило меня остановиться. По нейронам пробежал какой-то неявный импульс.

Я взялся за перила. Медленно осмотрелся по сторонам. На первый взгляд ничего особенного. Запах сырости. Под ногами крошка из битой плитки. В проеме окна – рогатая луна, россыпь равнодушных звезд. Их слабый свет льется на испещрённые надписями стены. Все те же граффити. Но толком рассмотреть их нельзя. Видны лишь отдельные части. Общие, крупные элементы рисунка.

Похоже, изображение какого-то человека.

Где-то внизу, на первом этаже, послышался тихий шорох. Я насторожился. Прислушался. Вроде, никого. Наверное, кошка.

Но сердце не слушало – билось с ускоренной силой. И ощущение, что я что-то упускаю, не покидало меня.

Я достал телефон. Фонарик не работал, только подсветка. Слабовато, конечно, но что-то увидеть можно. Любопытство убедило меня скользнуть лучом света по стенам. Повинуясь ему, я направил телефон на граффити.

Какие-то доли секунды мой разум боролся с ощущением нереальности происходящего.

Невероятно, думал я. Разумеется, это всего лишь рисунок. И невозможно утверждать стопроцентно... Но сходство просто поразительное!

Чем дольше я вглядывался в изображение человека на стене, тем больше убеждался, что ошибки быть не может. Со стены на меня смотрел портрет музыканта с площади.

Глава 5

Мощный луч света полоснул тьму, и ударил мне по глазам.

– Хреновое место для пикника, сынок.

От неожиданности я чуть не выронил телефон из рук. Видимо, изображение музыканта так поразило меня, что я даже не слышал, как кто-то поднялся по лестнице. Стоило все же обратить внимание на тот шорох снизу.

– Только давай без глупостей.

Из-за бьющего в глаза света, я не мог разглядеть лицо того, кто обращается ко мне. Но голос явно мужской. И, судя по одышке, принадлежит человеку немолодому.

– Оставайся на месте, сынок. И медленно, о-очень медленно, подними руки вверх.

– Какой я тебе сынок? Кто ты вообще такой? И какого хрена тебе от меня нужно? – спросил я.

– Просто делай, что тебе говорят. Подними руки над головой.

Значит это полицейский, пронеслось в голове. Или кто-то вроде охранника. Черт, вот засада.

– Может, перестанешь слепить меня? Что происходит-то вообще?

– Эйнат, надень-ка ему наручники.

О, оказывается, есть еще какая-то Эйнат.

– Послушайте, – начал я. – Не знаю, что вы хотите, но

никаких наручников я не надену.

– Лучше не выпендривайся, сынок.

Мощный хлопок потряс тишину. Слева от стены откололся кусок плитки.

Черт! Похоже, старик явно не в себе. Медаль что ли за мое задержание хочет получить?

– Следующая – в колено. И никаких сраных социальных выплат. Спишем на сопротивление при задержании. Верно, Эйнат?

Девушка неопределённо пожала плечами.

Значит, все же менты.

Эйнат сделала несколько шагов в мою сторону.

– Руки, – сказала она.

Я не шелохнулся.

– Держу тебя на мушке, сынок, – произнес старик. – Можешь не сомневаться.

Я попытался представить, каковы мои шансы на побег. И подумал, что лучше не рисковать. В конце концов, ничего противоправного я не совершал. Вероятно, меня с кем-то перепутали.

– Ладно, – ответил я, протягивая руки вперед. – Черт с вами.

* * *

Последний раз наручники на меня надевали все в том же

две тысячи пятнадцатом. Тот год вообще был богат на события. Наверное, мир проходил через какой-то очередной виток. И меня на нем закрутило словно пылинку.

А когда буря утихла, я почувствовал, что вещи, которые казались мне необычайно важными, вдруг потеряли всякий смысл. Вот только что с этим новым пониманием делать, я совершенно не представлял.

Сколько себя помню, я всегда мечтал стать оператором. А когда это, наконец, стало возможным, «волшебный мир кино» почему-то утратил для меня всю свою привлекательность.

Я успел снять несколько рекламных роликов, придумал сценарий короткометражки, даже отправил ее на международный кинофестиваль, а потом что-то во мне сломалось. И я все бросил. В том числе и колледж.

Только с появлением Полины все начало понемногу налаживаться. Я по-прежнему не знал, что делать со своей жизнью. Но теперь хотя бы мне было с кем послушать Боба Дилана.

Приблизительно в то же время Тим съехал из Тель-Авива. Мы стали реже видеться. Но когда встречались, то напивались все так же, как и раньше. Может, даже сильнее. С той лишь разницей, что в отличие от меня, Тим никогда не терял над собой контроль. А вот со мной вечно что-нибудь приключалось.

Но однажды ночью все перевернулось с ног на голову.

После нескольких часов в баре, Тиму вдруг приспичило сесть за руль. Хотя до этого пьяным он не ездил. Бывают такие состояния, когда кажется, что сию же секунду нужно воплотить ту идею, что пришла в голову. И если такие мысли рождаются в баре, то ничего хорошего от них не жди.

Не помню, как именно все произошло. Когда я очнулся, то обнаружил себя на заднем сидении чьего-то раздолбанного «опеля».

Машина мчалась по ночному шоссе. Куда – понятия не имею. По радио звучала армейская волна. Тим сидел за рулем. Во рту дымится сигарета. Выражение лица такое, будто у него только что сыграла крупная ставка и он думает на что потратить выигрыш.

Гриша – на пассажирском сиденье. Похоже, в полной отключке.

– Что за херня? – спросил я, протирая глаза. – Куда едем?

– Все нормально, – кинул Тим через плечо. – Едем в классное место. Скоро увидишь.

– А чья машина?

– Друга. Взял покататься.

– Ты же в хлам. Как ты вообще ведешь?

– Ведет – судьба, – Тим выдохнул дым в окно. – А мы – марионетки.

Я с опаской взглянул на спидометр. Стрелка подрагивала между ста двадцатью и ста сорока.

– Черт, Тим. Хотя бы скорость сбавь.

– Да нормально все. Доедем. Как-нибудь.

Я пошарил по карманам. Кошелек с телефоном вроде на месте. А вот сигарет не было.

– Есть закурить?

Тим протянул мне пачку. Я вытянул сигарету. Чиркнул зажигалкой.

– Если какой-нибудь мент нас остановит... – начал я.

– А ты не каркай. Вот и не остановит.

– Это что, фатализм такой?

– Предопределение. Вселенский причинно-следственный закон, – он сплюнул налипшую на губу табачную пылинку. – Карма, короче.

– И куда она ведет?

– Да черт ее знает.

– Ну ты и накидался...

Он покивал головой с зажатой в зубах сигаретой. Алый огонек подергался в темноте.

– И не говори.

Я повернулся к окну. Ночь выдалась на удивление глухая. На небе – ни звезды. Похожие на магму дождевые облака нависли низко над землей. Холмы затянуты фиолетовой дымкой.

В тумане – огни небольших городков. Дорожных указателей не видно. С одинаковым успехом мы могли двигаться и на север, и на юг.

В какой-то момент я подумал, что вижу сон. Сейчас от-

крою глаза и проснусь в баре. Затем умою лицо, выпью еще немного пива и посмеюсь над всем этим. Я встряхнул головой. Приоткрыл окно.

– Уже подъезжаем, – Тим затушил в пепельнице окурок. – Осталось недолго.

Он сбавил скорость и перестроился в правый ряд. Через сотню метров мы свернули на грунтовую дорогу, которая вилась между горами песчаника.

От тряски по кочкам проснулся Гриша. Несколько секунд он удивленно хлопал глазами. Явно не понимал, где находится.

– Вот это номер... – пробормотал он. – Где это мы?

– На пути к просветлению, – ответил Тим.

– А поконкретнее?

– Поконкретнее – скоро увидишь.

Гриша потер лоб.

– Пиво еще осталось?

– Да сколько хочешь, – Тим посмотрел в зеркало заднего вида. – На соседнем сиденье сумка-холодильник.

Я открыл внушительных размеров пластиковый ящик, достал Грише пиво. Немного поколебавшись, взял банку и себе.

– Ты готовился что ли?

– Сказать по правде, не очень. Просто все как-то совпало.

И я подумал, хорошо бы вам увидеть кое-что.

– Что именно? – спросил я.

Не отрывая взгляда от освещенной фарами дороги, Тим произнес:

– Может быть и ничего.

Мы с Гришей переглянулись. И синхронно пожали плечами.

Тим есть Тим.

Потянулись рощи невысоких кустарников. В окно пахнуло соленым воздухом. Я догадался, что мы где-то на побережье.

Через пару минут Тим нажал на тормоза и заглушил двигатель.

– Приехали.

Мы вышли из машины, размяли спины и осмотрелись. Некоторое время у нас ушло, чтобы глаза привыкли к темноте.

Тим завез нас на какой-то дикий пляж. Вдали, за косой ракушечника, шумело море. Пахло мокрым песком.

– И что? – спросил Гриша, озираясь по сторонам. – Купаться что ли будем?

– Нет, – Тим залез в салон и вытащил оттуда сумку-холодильник. – Знакомиться кое с кем.

– В три часа ночи?

Тим молча посмотрел на часы.

– Самое время, – на его губах играла заговорщицкая улыбка. Он достал из сумки банку пива и сделал затяжной глоток. Затем тыльной стороной ладони вытер губы, и доба-

вил: – Надеюсь, не опоздали.

Гриша недоверчиво поморщился.

– Опен-эйр что ли какой-то?

– Вроде того.

– А почему никого не видно?

– Скоро все подтянутся.

Ничего больше не говоря, Тим двинулся вперед. В этот момент он напоминал моряка, который полжизни провел на корабле и за годы плавания научился читать по волнам тайные знаки.

Кое-как мы дотащились до берега. Растянулись на пляже, и за час с лишним выпили все пиво, которое у нас оставалось.

Погода была замечательная. Не жарко, прохладный ночной ветерок, и шум волн.

– А я и вправду поверил, что тут какой-то рейв под открытым небом, – сказал Гриша. – У него, очевидно, заложило пазухи, и он говорил в нос. – Но все равно, здорово, что выбрались, – добавил он и закрыл глаза. – Надоело вечно киснуть в баре.

Через пару минут он уже снова храпел.

Лежа на спине, я смотрел на начинающее белеть небо. Внутри меня проросло новое, неизведанное ранее чувство. Казалось, между мной и всем окружающим миром протянулось множество невидимых нитей. И благодаря им я мог чувствовать все, что происходит на Земле. То, как ползет по

траве муравей, о чем перешептываются деревья в темноте, как бьется сердце ребенка в колыбели.

Тим молчал. Уж не знаю, о чем он думал.

Мне почему-то вспомнился фильм «Место под соснами» с Райаном Гослингом. Тим чем-то напоминал мне главного героя.

– Слышал о парадоксе китайского мандарина? – спросил Тим.

– Нет, – признался я. – Дурацкое название.

– И вправду дурацкое. Но суть вот в чем, – Тим повернулся на бок и оперся на локоть. – Если бы мы могли, не покидая привычного места, совершить убийство какого-нибудь неизвестного нам человека на другом конце света, и, затем завладеть его богатством с условием, что наше преступление никогда не будет раскрыто, пошли бы мы на это? – Он вопросительно посмотрел на меня. – Как думаешь?

– Не знаю. Чего это ты вдруг заговорил об этом?

– Большинство философов считают, что пошли бы.

– Вот как?

– Да. Такая вот моральная дилемма.

– Надеюсь, ты-то никого не убил?

– Никого. Не считая крысы, которая завелась у меня на кухне.

Я молча улыбнулся. И подумал, что если когда-нибудь куплю себе дом, то обязательно с видом на море. Чтобы можно было лежать в кровати и засыпать под звуки прибоя.

Прошло несколько минут. Я уже начал проваливаться в сон, как Тим крикнул:

– Смотри, – он указал пальцем на море.

Я потер глаза.

– Ничего не вижу.

– Смотри внимательнее.

Какое-то время мой взгляд различал только волны. И то, как их гребешки разбиваются о берег. Но сконцентрировавшись, я заметил, как из воды на берег выползают какие-то существа.

– Буди этого засранца, – сказал Тим.

Я потряс Гришу за плечо:

– Давай просыпайся.

– А? Что?! – промычал он.

– Тут что-то происходит, – кивком головы я указал на море. – Смотри.

Секунд пятнадцать мы заворуженно смотрели на береговую линию. Отделившиеся от воды тени быстро двигались в нашу сторону. И с каждой новой волной их прибывало все больше.

– Кто это? – спросил Гриша.

– Скитальцы моря, – ответил Тим. – Мало кому удастся увидеть их в этот период.

– Охренеть... – Гриша вытянул шею и захотел подняться на ноги, но Тим остановил его.

– Сиди, а то еще напугаешь их.

– Морские черепахи! – осенило меня.

Тим кивнул.

– Угу.

– А для чего они ползут на берег?

– Чтобы продолжить круговорот рождения и смерти.

Затаив дыхание, мы наблюдали, как черепахи ползут к песчаной гряде, чтобы отложить там яйца. Проходило какое-то время, и затем, они, обессиленные, снова возвращались в море, чтобы скрыться в пене волн.

Это было настолько удивительно, что почти все время мы молчали. И только когда забрезжил рассвет, Гриша спросил:

– Откуда ты узнал, что они появятся именно сегодня?

– Я и не знал, – ответил Тим. – Точный день предсказать невозможно.

– Нам что, просто повезло?

– Похоже на то.

Мы сели в машину и успели проехать по грунтовке несколько километров. А затем дорогу нам преградил полицейский джип.

Как потом оказалось, «опель» на котором мы ехали, числился в угоне.

– Выходит, никакого «друга» нет? – спросил я у Тима.

Он устало улыбнулся. И, посмотрев на дымно-голубое утреннее небо, сказал:

– Кажется, я забыл его спросить.

Так я впервые попал в полицейский участок. Но, несмотря

на наручники, я все же был благодарен Тиму. Ведь это была удивительная поездка. К тому же, нас с Гришей вскоре отпустили, не найдя в наших действиях состава преступления.

Тим, благодаря хорошему адвокату, отделался условным сроком.

* * *

После той ночи, я часто приходил к морю один. И, слушая в темноте шум волн, думал о тех несчастных сектантах, что заперлись в сарае и подожгли себя. Неужели никто из их родных не понимал, что они уже близки к черте? Почему никто не бил тревогу? Не осознавал, что происходит? Неужели люди настолько слепы? Даже к своим близким?!

От этих мыслей мне становилось не по себе.

В глубине души я надеялся снова увидеть черепах. Но, они больше ни разу не появлялись.

* * *

– Обыщи-ка его, – сказал старик, выходя из тени.

– Эй! – возмутился я. – Вы про понятых вообще слышали? Полицейский ухмыльнулся. И то, как он это сделал, мне не понравилось.

– Сериалов что ли посмотрелся? – он подошел к окну, и

шафрановый свет луны заиграл на его коже. – Может еще адвоката позвать?

– Было бы неплохо.

– Неплохо... – повторил он. С такой тяжестью в голосе, будто среди ночи ему сообщили, что в его доме прорвало канализацию. – Если бы мы не взяли тебя именно здесь, может, и позвали бы.

– Именно здесь?

– Умника из себя строишь?

– Не понимаю, о чем вообще речь.

– Ну да, да...

Полицейский выдержал паузу.

Весь его вид кричал о том, как ему осточертели такие придурки, как я.

– Послушай, сынок. Мы тут за неделю отлавливаем больше торчков, чем в ином районе за месяц. Так что закрой-ка рот. И стой смирно.

Ах вот оно что. Теперь ясно.

Девушка начала обыск. Профессионально обшарила карманы. Достала сигареты, телефон, документы. И передала старику.

– Есть что-то? – спросил он, разглядывая мои водительские права.

– Вроде нет, – ответила она.

– Снимай ботинки.

– Что?

– Ты слышал.

Я вздохнул. Но, в конце концов, лучше уж так. Увидят, что я чист и отвяжутся.

Мне было холодно стоять на грязном бетонном полу в одних носках. К тому же в пятку мне врезался острый камень. Или, возможно, осколок плитки. В темноте было не разглядеть. Но я молча ждал, пока полицейские закончат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.